УДК 1(091)

Т. В. Шоломова

Сравнительный анализ ценностей аристократии, буржуазии и пролетариата: попытка марксистского подхода[1]

В статье сравнивается поведенческая норма как эстетическая ценность последовательно сменяющих друг друга классов аристократии, буржуазии и пролетариата. Демаркационной линией оказываются не только манеры (сдержанность в проявлении чувств), но и различная мотивация: красота и способ самозащиты у дворян, социалистическая дисциплина у советских рабочих и экономические основания у буржуазии.

Ключевые слова: эстетические ценности, марксистская эстетика, образцы поведения, манеры, сдержанность, искренность, проявление чувств, эстетические основания, экономическая мотивация

Tatyana V. Sholomova

Comparative analysis of values of aristocracy, bourgeoisie and proletariat: the attempt of Marxist approach

The article compares the behavioral norm as aesthetic value of successive classes of aristocracy, bourgeoisie and proletariat. What differentiates them is not just manners (restraint in expression of feelings), but also a different motivation: it is beauty and the way of defending themselves for aristocracy, socialist discipline among Soviet workers and the economic motivation of the bourgeoisie.

Keywords: aesthetic values, Marxist aesthetic, patterns of behavior, manners, restraint, sincerity, expression of feelings, aesthetic grounds, economic motivation

В статье рассматриваются ценности (по преимуществу эстетические) отечественной буржуазии в сравнении с ценностями двух исторически противостоящих ей классов – феодалов и пролетариата. По отношению к каждому из своих исторических соперников буржуазия играет разную роль: феодалов она вытесняет с исторической арены, пролетариат, в свою очередь, должен вытеснить ее. Стало быть, исторические противники видят и описывают ее, и противопоставляют себя ей по-разному.

Не забудем также, что буржуазия неоднородна (как и ее соперники), и поэтому монолита «буржуазных ценностей» в природе не существует (также как «аристократических» и «пролетарских»), и разговор о них в совокупности достаточно условен. Термин «аристократия» (а не «феодалы» или «дворяне») в статье употребляется в значении наиболее культурной и образованной части дворянства, элиты, участвовавшей в формировании национальной культуры[2]. Представителями аристократии была создана бóльшая часть того, что мы называем классической (или элитарной) русской культурой, и по отношению к этому элитарному ядру культуры буржуазия, со всеми своими эстетическими порывами к восприятию или воплощению, понималась и описывалась как нечто неполноценное, способное лишь к осквернению всего, к чему прикасается.

Общим утверждением стало, что русская литература обличала нечестное и дремучее купечество с нравственных позиций, но, если мы повнимательнее приглядимся к высказанным претензиям, мы обнаружим, что они эстетические: М. Е. Салтыков-Щедрин с нескрываемым ужасом перед «фальшивым аршином» и способностью лишь «глотать, глотать, глотать» пишет о пришествии «чумазого»[3]; К. Д. Леонтьев в знаменитом обличительном пассаже противопоставляет всю красоту (с его точки зрения) предыдущей цивилизации – гениального Александра в пернатом шлеме, изящество акрополей, песни поэтов и блеск рыцарей – современному европейскому буржуа «в безобразной и комической одежде своей»[4]; примерно по тому же принципу предъявляет претензии и Бегушев, главный герой романа «Мещане»: божественные Рафаэль и Бетховен за тем только и творили, чтобы услаждать взор и слух «Таганки и Якиманки»[5] (т. е. замоскворецких купцов, по Писемскому – персонификацию мерзостей капитализма). Чаще всего при упоминании буржуазии и буржуазности тут же упоминали и пошлость[6], понимаемую как некое обобщающее все другие буржуазные качества. Таким образом, сравнительный анализ эстетических ценностей аристократии и буржуазии представляется более важным для понимания судеб отечественной буржуазии, чем сопоставление с пролетарскими ценностями. Следует заметить, что пролетарская (впоследствии марксистско-ленинская) эстетика также

обвиняла буржуазию в способности порождать лишь безобразное, но подводила под эти обвинения другие основания.

Согласно марксистско-ленинской эстетике, присущие социальному классу способы описания мира в эстетических категориях эволюционируют в зависимости от изменения его экономического и политического положения: 1. Сначала эксплуатируемый класс не осознает собственные социальные интересы, и доминирующими эстетическими ценностями социальной действительности в этот период являются ужасное и безобразное. Такой порядок перечисления (от ужасного к безобразному) свидетельствует о том, реальность постепенно смягчается, и непреодолимые несчастья, описываемые категорией «ужасное», ослабевают и начинают пониматься как безобразные, т. е. преодолимые. 2. Этап борьбы против господствующего класса. Теперь доминирует эстетическая ценность комического сатирического, т. е. ценности класса-антагониста подвергаются резкому, ничем не смягчаемому осмеянию. Но то, что враждебные явления теперь осмеиваются, свидетельствуют о нарастании чувства социального оптимизма. 3. Революция и обретение господства. Обретший господство класс описывает мир через категории возвышенного и прекрасного. Но так не может длиться вечно, и на смену ему приходит следующий этап 4. Этап удержания господства в сопротивлении новому, прогрессивному классу, уже начавшему борьбу за свои интересы. Теперь возникают такие модификации эстетического как комическое юмористическое, а затем сатирическое (что свидетельствует как о нарастании недоброжелательного в окружающей действительности, так и о повышении агрессии при сопротивлении ему). 5. Наконец, наступает этап поражения в борьбе с прогрессивным классом, захватывающим господство в результате революции. Вновь доминирующими эстетическими ценностями социальной действительности становятся безобразное и ужасное[7]. Таким образом, процесс исторического возвышения и последующего падения класса описывается от одного ужаса до другого; чем лучше социально-историческая позиция, тем более позитивно оценивается действительность самим классом, и тем негативнее оценивают его другие классы, находящиеся с ним в состоянии борьбы.

При этом очевидно, что далеко не на каждой ступени своего существования представители класса способны оставить свидетельства о своем состоянии, самочувствии и ведущейся борьбе. Так же свидетельства, оставленные представителями противоборствующих сторон в один и тот же период, могут сильно отличаться. Так, процесс вторжения буржуазии на историческую арену можно показать с «парадной» стороны, например, как рост самосознания пополанов (представителей городского населения Италии), которые с XIV в. начинают писать для детей и внуков хроники своей жизни, а в XVI в. их потомки уже вступают в брак с французскими королями; во всей Европе в XVII в. буржуазия начинает занимать ведущие позиции в культуре в целом[8]. Таков обобщающий вывод культуролога, потому что сами пополаны о себе с точки зрения значимости собственной личности как раз и пишут. Н. Элиас, исследовавший средневековые учебники хороших манер, т. е. свидетельства, оставленные господствовавшими в ту пору феодалами (манеры возникли как фиксация аристократией собственного мироощущения[9]), продемонстрировал «изнанку» процесса – как постепенно возникают запреты на плевание[10], сморкание[11] и другие виды реализации естественных потребностей организма[12]. Согласно Элиасу, чем больше аристократия вынуждена соприкасаться с буржуазией (т. е. как раз по мере роста влияния буржуазии), тем больше нарастает физиологическое отвращение людей друг к другу, и именно с нарастанием отвращения рождаются современные гигиеническая и поведенческая норма, оформляется телесность в современном понимании, а также меняется эстетический способ освоения действительности: глаз становится его ведущим органом[13], детей учат осваивать мир «бесконтактно», без помощи рук.

С точки зрения сопоставления свидетельств и оценок, интересно также рассмотреть эстетические запросы и самосознание пролетариата перед Октябрьской революцией и после нее. Писатель Д. Быков утверждает, что предреволюционный пролетариат охотней всего зачитывался романом А. Вербицкой «Ключи счастья»[14], но после революции рабочие писали письма о том, как верно в свое время отразил их умонастроения и чаяния «главный революционный роман» – «Мать» М. Горького[15]. Можно сравнить также в послереволюционной литературе образы продвинутого читателя П. Корчагина и перешедшего от вывесок сразу к переписке Энгельса с Каутским Полиграфа Шарикова (дворянин М. Булгаков смотрит на победившего пролетария, так сказать, «через класс», но глазами разночинцев по происхождению профессора Преображенского и доктора Борменталя). Их можно сравнить как по тому, что кто читает, так и по отношению к женщинам. Для Островского склонность к сексуальному насилию – наследие проклятого прошлого, буржуазный пережиток, который следует искоренять среди «комсы»

(потому что в романе к сексуальному насилию склонны либо «слуги царизма» – жандармы, либо недобитые бандиты, либо комсомольские бюрократы). Согласно Булгакову, к сексуальному насилию склонен как раз люмпен-пролетарий Клим Чугункин.

Очевидно, что бóльшая часть свидетельств о самочувствии остается от того периода, когда класс не просто идет на подъем, но близок к социальной вершине, пока он сохраняет лидирующие позиции и в первое время после того, как его звезда начинает клониться к закату. Не сливается ли при этом его собственная система ценностей с ценностями его непосредственных соперников – вопрос. Согласно М. Оссовской, ценности побежденного класса сначала категорически отторгаются классом-победителем, а впоследствии наиболее привлекательные из них им усваиваются[16]. Например, пролетариат в первые же годы советской власти начал активно усваивать бытовые ценности буржуазии, по преимуществу мелкой, что дало повод зарубежным критикам Советов указать на то, что процесс «советизации» населения фактически совпал с процессом «обмещанивания»[17] (под «советизацией» следует понимать «адаптации целого ряда культурных практик, включая обучение как корректным формулам прославления верховного партийного вождя, так и правилам чистки зубов»[18]). Внутри же страны это было описано как «борьба с пережитками буржуазного прошлого», т. е. с культурной отсталостью (класс-победитель был убежден, что утверждает свои собственные ценности, в то время как в быту во многом приобщался к ценностям и нормам буржуазии). Но, если для пролетариата буржуазия играла роль культурного лидера в области практического поведения, то аристократия выстраивала свои культурные претензии к буржуазии и отталкивала ее как раз по причине существующей разницы в манерах.

В главе (V «Рыцарь в средневековье»)[19] классического труда Оссовской описаны классовые ценности рыцаря, противостоящие буржуазным: аристократ (рыцарь) должен иметь благородное происхождение, обладать красотой и заботиться о славе, обладать мужеством, щедростью (нежеланием заботиться о деньгах), физической силой (необходимой для участия в военных действиях и в таком обязательном светском развлечении, как охота), носить драгоценную яркую одежду, сохранять безусловную верность обязательствам, данным в своем кругу (обязательствами перед нижестоящими можно пренебречь).

В буржуазную эпоху система ценностей меняется: вместо благородного происхождения – опора на собственные силы; место красоты и привлекательности занимает респектабельность (солидность), в одежде господствующим становится черный цвет. Традиционные представления приписывают пристрастие к черному протестантской скромности, но Дж. Харви показал, что гораздо раньше черный цвет в европейской культуре (имевший множество значений помимо указания на «скромность») начал ассоциироваться с социальной значительностью и достатком (черная ткань стоила дорого из-за трудностей производства, что делало черную одежду недоступной для бедных)[20]. Красота, яркие одежды и драгоценные украшения остались женщинам (несколько раньше в европейской культуре постепенно сформировалось понятие «прекрасный пол»[21]). Значение физической силы падало с развитием техники (интерес к контролю за телом возобновился на других основаниях). Верность обязательствам стала в буржуазную эпоху абсолютной – их следовало сдерживать вне зависимости от социальной позиции того, кому они были даны. (Интересно, что Л. Толстой, чрезвычайно ценивший собственное аристократическое происхождение и признававшийся в отвращении к «третьему сословию»[22], критикуя «правила Вронского» («нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, – что лгать не надо мужчинам, а женщинам можно» и т. д.[23]) пребывал в уверенности, что делает это с позиций общечеловеческой справедливости, в то время как источником данной нормы являлась столь презираемая им буржуазия.)

И, наконец, в мире буржуазных ценностей деньги начинают поддаваться счету и контролю, и вообще экономический фактор начинает играть заметную роль даже в таких далеких от экономики областях, как эстетика или диететика (забота о теле). Демаркационная линия между аристократической и буржуазной культурами проходит по двум позициям: проявление чувств (сюда же следует отнести контроль над телом, поскольку наши телодвижения рассказывают о наших чувствах достовернее наших слов) и деньги (экономический фактор).

Итак, проявление чувств. Известно, что аристократы сдержанны, буржуа сентиментальны; аристократы – притворщики, буржуа искренни. Эта сдержанность против искренности и привычки демонстрировать свои чувства проявлялась в практическом повседневном поведении и нашла свое отображение в искусстве. Об особенностях дворянского поведения, порожденного специальным воспитанием, ориентированным не на успех, а на идеал (по принципу «не для того, чтобы» [воспользоваться приобретенными навыками в жизни], а «потому что» [ты дворя-

нин][24]), писала О. С. Муравьева. Она приводит множество примеров обучения дворянских детей контролю не над чувствами (поскольку эмоциональность и впечатлительность должны были сочетаться с силой духа при невзгодах), а контролю над их проявлением. Наиболее емко это выражено в требованиях «с улыбкой подходить к тем, к кому охотнее подошел бы со шпагой»[25] (для мальчиков) или «скрывать свой нрав и уметь не быть, а казаться»[26] (для девочек). Муравьева объясняет это слиянием этических норм с этикетными: демонстрировать чувства, не вписывающиеся в принятую норму поведения, было не только недостойно, но и неприлично. Снисхождение к «неприличному» в этом смысле поведению дворянской нормой не предусматривалось – любые проявления трусости, малодушия, слабости выводились за рамки достойного[27]. Правила приличия также требовали умения скрывать мелкие досады и раздражения под личиной любезности: воспитанный человек, во-первых, не обременяет окружающих своими личными неприятностями и переживаниями, а во-вторых, умеет защитить свой внутренний мир от непрошенных свидетелей[28]. Таким образом, внешняя сдержанность и самообладание естественно увязывались с обостренным чувством собственного достоинства, с уверенностью в том, что демонстрировать всем свое горе, слабость или смятение – недостойно и небезопасно. В результате синтеза этических и этикетных норм возник эстетический феномен, который Л. Толстой называл «лак высшего тона», полагая, что он скрывает особенности характера человека так же, как хороший лак скрывает качество дерева[29].

Эта особенность светских людей (искусственно поддерживаемая холодность, видимость отсутствия эмоциональной реакции на любые события, от крайне радостных до крайне прискорбных) часто являлась предметом нареканий, ее оценивали как «фальшь», «притворство», «лицемерие» и т. п. Из постоянного наблюдения за аристократами представители других социальных слоев сделали вывод, что аристократы не способны испытывать чувств вообще (отсюда постоянные повторения про «холодный» и «бездушный» высший свет, в том числе и в пародийной форме: «Что будет делать бедная дева, взросшая среди родных снегов Сибири, в юрте отца своего, в вашем холодном, ледяном, бездушном, самолюбивом свете?»[30]). Цель была достигнута – о подлинном состоянии души аристократа нельзя было сделать правильного вывода – но достигнута путем репутационного ущерба: высшая степень контроля над собой (эстетическое явление) было истолковано на нижерасположенных уровнях культуры как «бездушность» (нравственный дефект).

Можно возразить, что наблюдались и прямо противоположные примеры поведения – избыточная демонстративная экзальтация с побледнением и закатыванием глаз или массовое падение дам в обморок, когда случайно вместе с занавесом в театре подняли семилетнюю девочку, которая одна осталась спокойна[31]. Ю. М. Лотман такое поведение объяснял литературным влиянием. А вот самообладание, по его версии, было обусловлено общением с крепостной нянькой и жизнью в деревне (как у Татьяны Лариной), потому что народная культура как раз и предполагала сдержанность в выражении эмоций. Именно сдержанность позволила декабристкам так естественно вписаться в народную среду[32]. (Не могу не заметить в скобках, что, несмотря на описываемое Лотманом сходство культурных норм, обратного процесса не наблюдалось и случаев «вписывания» женщин из народа в декабристскую среду мы не знаем; чего стоит отношение к женитьбе В. К. Кюхельбекера, к примеру. Здесь стоило бы поставить вопрос, почему француженки не столь высокого происхождения смогли органично вписаться в дворянскую среду, а русские нет.)

О двух источниках для двух линий поведения пишет и К. Келли: роль в распространении культа чувств наряду с их внешними выражениями, вроде закатывания глаз и обмороков, сыграла беллетристика, а распространению культа «спокойного, безучастного» самообладания способствовала воспитательная литература[33]. Воспитание мальчиков отличалось от воспитания девочек, так как к мужчинам и женщинам предъявляли разные требования, но тех и других учили настороженному отношению к любви[34]. Кстати, на примере главного и любимого образца сдержанности – Татьяны Лариной (и в целом романа «Евгений Онегин», в котором сформулирован идеал «горделивого самообладания»[35]) – как раз хорошо видно, что схема поведения, заимствованная из художественной литературы, противоречит требованиям воспитания и приличия. Поступая по литературному образцу, Татьяна не находит нужным скрывать чувство и признается в любви Онегину; дама света, «верный снимок du comme il faut», она ничем не показывает своего волнения при виде его.

Буржуазная культура дозрела до требования контроля над проявлением чувств гораздо позже, причем под эстетическое правило была подведена экономическая основа: нервничать по мелочам невыгодно, потому что ты тогда проживешь меньше (а выгода состоит в том, чтобы

взять от жизни все, в том числе долголетие). И успех дастся тебе дорогой ценой сердечной болезни, язвы, повышенного давления или ты вообще можешь его не достичь, умерев молодым; и вообще, можно ли считать успешным человека, который добился чего-либо ценой болезни?![36] Бросается в глаза контраст: когда дворяне учили детей не показывать, что ты чувствуешь, они не учили экономии чувств, а только контролю за их проявлением. Буржуазная же культура указала на необходимость умерять сами чувства из соображений практической выгоды.

Что касается поддержания физической формы, то, как мы помним, значение физический силы снизилось с развитием техники. С другой стороны, в XIX в. возникают вполне демократичные системы гимнастических упражнений, и поддержание физической формы из великосветского идеала превращается в общедоступный, что подтверждается параллельным ростом популярности командных видов спорта, таких как футбол, для игры в который на досуге не так много требуется ухищрений и приспособлений[37]. Для нас в данном случае важно, что до требований иметь хорошую фигуру буржуазия тоже дозрела постепенно, в результате логического развития идеи, что сначала нужно научиться управлять собой, а потом уже другими (что-то вроде по-новому на новом историческом витке интерпретированной версии эпимелеи). Следить за своим внешним видом, в том числе за своей физической формой, нужно для того, чтобы заслужить и сохранить доверие партнера и клиента: «Не следует ждать ничего хорошего от человека, не следящего за своей фигурой»[38], – разъясняла русским людям общепринятую западную норму на заре нового русского капитализма одна из первых наших специалистов по имиджу и репутации делового человека. То, что имело отношение к «красивому» и «благородному» у источника нормы – аристократии, стало мотивироваться как «экономически выгодное» у унаследовавшей наиболее привлекательные аристократические нормы буржуазии.

Надо сказать, что сама аристократия рассматривала поведение буржуазии в первую очередь как неудачно-подражательное. Стереотип восприятия буржуа – что, стремясь быть похожими на аристократов, они усваивают только внешнюю сторону поведения, – весьма живуч («буржуа – чувствительный субъект с остаточным комплексом культурной неполноценности и тоской по дворянской обходительности»[39]). Это расхожее мнение повторяет и Муравьева: «Наверное, примерно так (глупо. – *Т. Ш.*) выглядели те купцы, которые подражали исключительно красивому антуражу дворянской жизни, оставаясь равнодушными к духовным ценностям дворянской культуры»[40], – но сама же тут же все мешает в кучу и, рассуждая о дворянском воспитании и образовании, часто цитирует воспоминания К. С. Станиславского. К концу книги она, правда, спохватилась и сделала примечание, что это не по ошибке, а чтобы подчеркнуть сходство «образованной и культурной купеческой среды» с дворянской[41].

Здесь две проблемы: первая – это реально существовавшая «тоска по спокойной жизни в вилле», которую В. Зомбарт называл «феодализацией коммерсантов»[42]. Этот процесс долго считали проявлением политической слабости буржуазии[43] либо «несознательностью» ее отдельных представителей[44]. Когда предоставлялась возможность, буржуа меняли сословие. Иронически процесс и его последствия зафиксированы в пословице «отец – купец, сын – дворянин, а внуки протягивают руки»[45]. Тут самое время заметить, что, хотя современные богатые люди в дворяне отнюдь не стремятся, угроза истаивания состояния в третьем-четвертом поколении остается реальной[46], если не принимать специальных мер, к каковым относятся, скажем, близкородственные браки[47]. Разумеется, культурная пропасть лежит между жизнью купца и жизнью дворянина. Аристократический идеал сохраняет свою безусловную привлекательность и при победившем капитализме. За возможность приобщиться к «красивостям» аристократической жизни потомки купцов должны были расплатиться утратой богатства; но и аристократам за возможность поддерживать свои родовые поместья и титулы пришлось платить браками с дочерьми «денежных мешков».

В какой же исторический момент начинается выравнивание культурной нормы для очень богатых буржуа и аристократов? Элиас настаивал, что именно вторжение буржуа на историческую арену уже в эпоху раннего Возрождения влияло на манеры и делало их все более утонченными (от «не плевать где попало» до «не передавать нож лезвием вперед»[48]) и изысканно мотивированными (рыбу нельзя есть ножом, потому что она – символ христианской жертвенности, а не потому, что разделывать ее другим инструментом более удобно[49]). А. де Токвиль писал о том, как сначала выравнивалось экономическое положение третьего сословия и дворянства, потом уровень образования; медленнее всего изменению поддавались манеры, но и они стали практически не отличимы перед Великой французской революцией[50].

Подражательное поведение буржуазии привлекло внимание раньше, чем выравнивание

манер. Сказались особенности национальной истории – в России все происходило медленнее и позже, чем во Франции. Примером подражательного поведения может быть история богатого дмитровского купца А. И. Толченова. Он был уважаемом человеком не только среди купечества, избравшего его депутатом в Уложенную комиссию, но и среди представителей знати. Ему наносили визиты князья, церковные иерархи и даже московский губернатор. Ему были не чужды художественные интересы: бывая в Москве, он посещал театры, книжные лавки, музеи. Разбогатев, он отошел от дел, передоверив все приказчикам, зажил на широкую ногу, построил самый богатый в городе дом, играл в карты; постепенно богатство его стало таять; поскольку он не был дворянином, государство не оказало ему поддержки[51].

О выравнивании нормы можно судить по бракам представителей потомственного дворянства с дочерьми и внучками «выскочек» (как женился Пушкин на внучке получившего дворянство) или дочерьми богатых купцов (в книге Лотмана «Беседы о русской культуре» среди иллюстраций есть портрет Е. С. Авдулиной работы О. А. Кипренского (1822) с пояснениями: «внучка купца-миллионера Яковлева, жена полковника-кавалергарда А. Н Авдулина, хозяйка особняка на Дворцовой набережной и домашнего театра на каменноостровской даче»). Варвару Петровну Ставрогину Достоевский из каких-то соображений сделал дочерью богатого откупщика. Снобу В. В. Набокову совершенно не мешал осознавать свою исключительность тот факт, что мать его была дочерью богатого купца.

Но на протяжении всего XIX в. главная претензия к буржуазии – это неумение себя вести (претензии самые разнообразные, от «ест ножом»[52] до полного отрицания значимости нравственных качеств при отсутствии у человека манер[53]). Первое и самое известное обвинение подобного рода в истории культуры – «Мещанин во дворянстве» Мольера, написанный по заказу Людовика XIV. По этой комедии хорошо видно, что господствующий класс смутно почувствовал опасность и надеется защитить себя при помощи высмеивания культурной несостоятельности своего врага. Но уже более трехсот лет читатель и зритель комедии верит критикам г-на Журдена, возможно, не только из-за исключительности таланта ее автора, но и потому что в пору ее создания класс феодалов был еще силен и идеологические победы еще долго оставались на его стороне. Пример другой такой победы – историческая репутация мадам де Помпадур как «особо циничной» и безнравственной фаворитки Людовика XV, в то время как реальная вина ее лишь в том, что она оказалась первой (и последней) буржуазкой, занявшей это место[54].

Тут самое время вернуться к труду Элиаса и вопросу о манерах, при помощи которых в свое время аристократия пыталась отмежеваться от наступающей буржуазии. Очень грубые первоначально, они постепенно смягчались и принимали современный вид. Но нельзя не обратить внимание на то, что и в XIX в. аристократия подозревает представителей буржуазии в самых грубых обыкновениях.

У П. Берлина упоминается роман С. Атавы «Оскудение», где речь шла о постепенном перемещении (после реформы 1861 г.) купца Ермилы Антоныча Подугольникова со стула в углу кабинета за общий стол в столовую. Перед этим детям строго-настрого наказали не смеяться, когда он будет сморкаться в салфетку[55]. На самом деле трудно сказать, действительно ли во второй половине XIX в. Подугольниковы в массовом порядке сморкались в салфетки (если почитать не только воспоминания Станиславского, но и дочерей Третьякова[56], да хотя бы и рассказы о купцах Лейкина[57], а еще раньше – страницы, посвященные общению с купцами у А. Н. Радищева[58] и т. п., то и следа такого поведения там не найти). Собственно, сопоставление подлинных претензий с литературными по поводу неумения себя вести (а идеал «умения» состоит в том, чтобы «везде уметь найтиться, нигде не соваться вперед, со всеми чрезвычайная вежливость и ни с кем фамильярности»[59]) поможет обнаружить разницу между наблюдаемым в действительности поведением буржуа и тем, как его, с идеологической целью, описывали в литературе. Именно несоответствие идеалу полного психологического и телесного контроля над собой было причиной раздражения со стороны дворянства, но в поле зрения литературы (которая, как мы помним, любила описывать чувства и учила, через описания, искренне выражать чувства) попадают выразительные, без всяких без комментариев убеждающие примеры отклонения от поведенческой нормы.

Итак, верхушка буржуазии по культуре, образованности, наконец, и по манерам выравнивалась с дворянством, а пролетариат, как уже шла речь выше, в первые годы советской власти начал осваивать гигиеническую буржуазную норму (не акцентируя внимание на ее социально-классовом происхождении), и это освоение новых гигиенических навыков было одним из элементов так называемой «советизации». Интересно, что другим важным элементом процесса «борьбы за культурность» внезапно оказалось требование контроля за собой, умение сдерживать свои чувства – т. е. ровно то,

при помощи чего аристократия отличала себя от надвигающейся буржуазии.

Первые же раннесоветские книги по воспитанию включали в себя советы с детства насаждать такие суровые добродетели, как самоограничение, сила воли, храбрость и нечувствительность (согласно Г. Н. Сперанскому, одному из первых советских специалистов по уходу за детьми)[60]. Возможно, это была своеобразная реакция на воспоминания о «проклятом дореволюционном прошлом», в частности, о неслыханном доселе культе чувств и чувствительности, охватившем к концу XIX в. русскую культуру, и особенно расцветший после цензурных послаблений 1905 г.[61]

Как бы то ни было, сформировался теперь уже советский идеал человека сдержанного, контролирующего себя, скрывающего свои истинные переживания (Келли упоминает свидетельства Л. Космодемьянской из «Повести о Зое и Шуре» о том, насколько дети были сдержанны в проявлении чувств любви, нежности, восторга, гнева и т. д.[62]). Чем дальше заходила советская власть, тем больше требовали от школьников дисциплины, в том числе «приличного поведения на улице». Справочник «Начальная школа» 1950 г. давал классификацию чувств на «высокие» и «низкие» (в их число входили интеллектуальные, эстетические и нравственные). К числу допустимых эмоций для учителей устанавливались: чувство долга защитников родины и любовь к труду, чувство советского патриотизма и национальной гордости; чувство товарищества, чувство социалистического гуманизма[63]. Устанавливалась иерархия чувств, связанная с социальной иерархией: чем выше человек был на общественной лестнице, тем выше, как предполагалось, его самоконтроль, и тем на проявление большего количества чувств (включая гнев), он имел право. Воспитание понималось как преодоление детской бесконтрольности в проявлении эмоций и формирование (путем воспитания в коллективе) умения правильно и к месту выражать «гнев» и «одобрение»[64] (или, как уже говорилось ранее, целью такого воспитания было усвоение определенных культурных практик, от чистки зубов до владения навыками прославления партийного вождя в корректной форме). Неважно, что зарубежные критики в тяге к чрезмерной дисциплине усматривали признаки сближения с мещанским идеалом – в самой стране Советов неспособность контролировать себя объявлялась «[мелко]буржуазной распущенностью», подлежащей искоренению, т. е., опять подчеркивалась несостоятельность буржуазной нормы, только уже с других классовых позиций.

Примечания

[1] Статья подготовлена в рамках проекта 12-03-00411 2011-09-27 Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик.

[2] Живов В. М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. С. 685–704.

[3] Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни // Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 13.

[4] Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: филос. и полит. публицистика, духов. проза, 1872–1891 / общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В. И. Косика. М.: Республика, 1996 – С. 373.

[5] Писемский А. Ф. Мещане // Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 7. С. 12. (Библиотека «Огонек»).

[6] Маймин Е. А. О русском романтизме: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1975. С. 8.

[7] Малышев И. В. Эстетика: курс лекций / Рос. акад. музыки им. Гнесиных. М., 1994. С. 57–60.

[8] Сапронов П. А. Культурология: курс лекций по истории и теории культуры. СПб.: Союз, 1998. С. 390–392.

[9] Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенет. исследования. М.; СПб.: Универс. кн., 2001. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. С. 123.

[10] Там же. С. 225–233.

[11] Там же. С. 214–224.

[12] Там же. С. 198–213.

[13] Там же. С. 283.

[14] Быков Д. Советская литература: крат. курс. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 101.

[15] Горький М. Полн. собр. соч. М.: Наука, 1970. Т. 8: Мать. Рассказы. Очерк. С. 482–483. Примеч.

[16] Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исслед. по истории морали. М.: Прогресс, 1987. С. 428.

[17] Саркисянц М. Россия и мессианизм: к «русской идее» Н. А. Бердяева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 219–223.

[18] Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: Росспэн: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 261.

[19] Оссовская М. Указ. соч. С. 81–107.

[20] Харви Дж. Люди в черном / пер. с англ. Е. Ляминой, Я. Токаревой, Е. Кардаш. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 58–59.

[21] Липовецкий Ж. Третья женщина: незыблемость и потрясение основ женственности: пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2003. С. 163–175.

[22] Полосина А. Н. Л. Н. Толстой об аристократах и аристократизме // Журналистика и культура рус. речи. 2010. № 4. С. 10, 13.

[23] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Худож. лит., 1934. Сер. 1: Произведения, т. 18: Анна Каренина: роман: в 8 ч. Ч. 1/4. С. 322.

[24] Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Журн. «Нева»: Летний сад, 1999. С. 32.

[25] Там же. С. 78.

[26] Там же. С. 79.

[27] Там же. С. 70–72.

[28] Там же. С. 82.

[29] Там же. С. 79.

[30] Достоевский Ф. М. Полн. собр соч.: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы, 1846–1847. С. 53.

[31] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции рус. дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПб., 1994. С. 85–86.

[32] Там же. С. 85.

[33] Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи просвещения // Российская империя чувств: подходы к культ. истории эмоций: сб. ст. / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 58–59.

[34] Там же. С. 63.

[35] Там же. С. 73.

[36] Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить // Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. В. П. Зинченко, Ю. М. Жукова. М.: Прогресс, 1989. С. 521.

[37] Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 307–308.

[38] Венедиктова В. И. Деловая репутация: личность, культура, этика, имидж делового человека. М., 1996. С. 191.

[39] Буржуазность – что такое? // Новый мир. 1998. № 10. С. 230.

[40] Муравьева О. С. Указ. соч. С. 7.

[41] Там же. С. 200–201.

[42] Зомбарт В. Буржуа: к истории духов. развития соврем. экон. человека: пер. с нем. М.: Наука, 1994. С. 121.

[43] Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. 2-е изд., доп. Л.; М.: Книга, 1925. С. 32.

[44] Булгарин Ф. В. Иван Иванович Выжигин: роман / Булгарин Ф. В. Соч. М.: Современник, 1990. С 187.

[45] Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М.: Прогресс, 1986. С. 68.

[46] Коннифф Р. Естественная история богатых: полевое исслед. / пер. с англ. М. Леоновича. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 152.

[47] Его же. К истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем. М.: Наука, 1994. С. 408–410.

[48] Элиас Н. Указ. соч. С. 191.

[49] Мишель Д. Ватель и рождение гастрономии: с прил. рецептов эпохи Людовика XIV, адапт. Патриком Рамбуром; пер. с фр. Г. Галкиной. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 303.

[50] Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. С. 78–79.

[51] Павленко Н. И., Андреев И. Л., Федоров В. А. История России с древнейших времен до 1861 г.: учеб. 5-е изд. М.: Юрайт: ИД Юрайт, 2011. С. 512.

[52] Муравьева О. С. Указ. соч. С. 203.

[53] Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8: Былое и думы, 1852–1868. Ч. 1/3. С. 89.

[54] Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей: от Агнессы Сорель до Марии-Антуанетты. М.: Мол. гвардия, 2003. С. 192–193.

[55] Берлин П. А. Указ. соч. С. 115.

[56] Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М.: Искусство, 1993. 374 с.; Зилоти В. П. В доме Третьякова: мемуары. М.: Высш. шк., 1992. 256 с.

[57] Лейкин Н. А. Апраксинцы. Биржевые артельщики: сцены и очерки. 3-е изд. СПб., 1886. 310 с.

[58] Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 265.

[59] Герцен А. И. Указ. соч. С. 89.

[60] Келли К. Указ. соч. С. 67.

[61] Там же. С. 67.

[62] Там же. С. 68.

[63] Там же. С. 69–70.

[64] Там же. С. 70–71.